

# ВОЕВОДА ЕРТАУЛА

ПОЛК КОННОЙ РАЗВЕДКИ



ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

**Юрий Григорьевич Корчевский**  
**Воевода ертаула.**  
**Полк конной разведки**  
Серия «Атаман», книга 5  
Серия «Попаданчество»

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=18227374](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18227374)  
Корчевский Ю. Воевода ертаула. Полк конной разведки: ООО  
«Издательство «Яуза»;  
ISBN 978-5-222-39476-2*

**Аннотация**

ЕРТАУЛ – так в Московском Царстве называют передовой полк конной разведки, который всегда идет в авангарде царского войска и куда отбирают лишь лучших из лучших.

И наш современник, заброшенный на полтысячи лет назад, заслужит честь стать воеводой этого элитного соединения!

Он спасет русскую рать от окружения, сорвав обходной маневр крымской орды.

Он проведет успешную спецоперацию по перехвату тайной переписки польского короля с папским легатом.

Он спасет от ляхов царскую казну и будет пожалован княжеским титулом!

# Содержание

Глава I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	26

# Юрий Корчевский

## Воевода ертаула.

### Полк конной разведки

## Глава I

Давно заметил – только дела начинают идти в гору и жизнь налаживаться, откуда ни возмись возникает новая проблема, а то и беда на пороге ждет.

Сколько раз вокруг меня кружила смерть, но так остро, как вчера, на дороге из Смоляниново в Вологду, я еще не ощущал ее ледяного дыхания. Цепеня от ужаса, наблюдал с подвернувшегося у обочины дерева, как стая голодных волков догрызла моего коня и эти твари, оглашая окрестности диким воем, ждали падения моего коченеющего на морозе тела, чтобы продолжить кровавую трапезу. Казалось – нет надежды, все, пропал. Да, видно, не зря говорят – нет худа без добра. Откуда он здесь мог взяться – мой спаситель, запозднившийся охотник Демьян, что спешил вернуться в город?

А может быть, не все задачи в этой жизни я выполнил и нужен Ему, пославшему мне чудесное спасение свыше? Для свершения неведомых мне до поры дел?

Мне, как никогда, хотелось жить и действовать: бороться, защищать и спасать, добиваться торжества Правды и поражения зла, быть полезным и любить. Но прежде надо встать на ноги, помороженные вчера.

Утром я проснулся с трудом – знобило, поднимался жар. Нога, что поморозил ночью, распухла почти до колена, кожа на стопе покрылась пятнами. Отморозил, ешкин кот! Мне только этого не хватало. Надо в баньку сходить, попариться, да горячего молока с медом да малиновым вареньем попить, полежать, пропотеть.

Я позвал Федьку, приказал истопить баню. Заодно и поинтересовался:

– Где спаситель мой, Демьян?

– Затемно еще поднялся, ушел.

Эка незадача.

– Куда, не сказывал?

– Сказывал – на торг.

– Поручи баню холопам истопить. Сам на торг ступай, найди и приведи Демьяна. Не успел я отблагодарить человека, да и виды на него имею. Убедился я – лучник он отменный. А мне еще воинов набирать надо – государь землицею жаловал, так что дружину личную увеличивать надо.

– Понял, бегу.

В спальню вошла Лена.

– Что вчера случилось? – встревоженно спросила она. – Почему так поздно вернулся – и без коня?

– Стая волков на меня напала. Коня съели, сам едва живой остался, да, похоже, простыл, ногу вот еще отморозил.

– Бедненький! Сейчас я тебе молока согрею, да с медом.

– Холопам напомним про баню, я им распоряжение дал.

– Суетятся уже, Федька наказал.

Вскоре молоко было готово, я напился.

В постели под одеялом было жарко, пот катился градом. Но стоило отбросить одеяло – знобило.

К полудню баня согрелась, и я отправился париться. Стоило немного плеснуть воды на каменку, как пар, казалось, обжигал кожу. Помороженная нога вообще не давала даже прикоснуться к себе. Тем не менее я стоически выдержал часа два, то поддавая парку, то расслабляясь на полке. Когда с меня сошло семь потов, решил – хватит. Оделся в чистое исподнее, посидел, остывая, в предбаннике, попил отвар трав, что приготовила жена.

Почувствовав облегчение, я побрел в дом. А в трапезной уже сидят Федька с Демьяном.

– Вот, боярин, еле нашел охотника – уж совсем было отчаялся.

– Ты что же, Демьян, ушел не попрощавшись? Я тут приболел немного после вчерашнего.

– В баньку, боярин, надо, да отвар из трав целебный попить.

– Только из баньки. Подождите меня.

Я вышел из трапезной, прошел к себе в комнату, взял ме-

шочек с монетами. Вернувшись в трапезную, с благодарностью вручил его Демьяну. Тот взвесил на руке мешочек, сказал:

– Многовато даешь, боярин.

– Думаешь, моя жизнь дешевле стоит?

– Это уж кому как виднее.

Демьян приподнялся было с лавки.

– Ты не торопись, охотник. Дело у меня к тебе. Видел я вчера, что из лука пострелять ты мастер. Не хочешь в дружину ко мне прибиться? О куске хлеба и крыше над головой думать не надо будет, жалованье положу, броню да оружие дам.

– Уж больно сладкие речи ведешь, боярин. А ну как враги, в сечу идти?

– Так святое же дело – за Русь постоять!

Демьян задумался. Я не торопил. Одно дело – сам себе хозяин, вольный человек, другое – в дружине ходить, под боярином. Не тяжкая доля в мирное время, однако и голову в сече сложить можно или калекой остаться.

– А что, согласен, – махнул рукой охотник. – Пропади она пропадом, такая жизнь. Федор твой, пока с торго шли, расписывал, какие трофеи на саблю берут. А мне хлеб тяжело достается. Зверя выследить надо, изловчиться убить, шкурку обработать. Да налог заплатить деньгою – это опять на торгов ехать.

– Ну, вот и славно. Принимай, Федор, нового воина в дру-

жину. Учи сабельному бою, пусть из мушкета постреляет, пообвыкнет. А в остальном пусть лучником и останется. В дозоре да в засаде лук нужен. Сам знаешь: мушкет грохочет – за версту слышно. Место в избе найдется – веди, Федор.

Новому воину я был рад. Жалованная земля – это хорошо, но и воины в поместное ополчение с площади земли во владении боярском исчислялись. Надо бы еще двух к себе сманить или купить. Только абы кого не возьмешь – не всякий жизнью рисковать захочет. У воина жизнь более веселая, беззаботная и хмельная, нежели у хлебопашца или ремесленника, но и более короткая. Редко кто из них до старости доживает. Потому и стоят выше на социальной лестнице.

Я прошел в спальню. Что-то утомился, хотя и не делал ничего. Видно, болезнь ослабила. Пощупал лоб – вроде жар спал, но вялость и слабость оставались. Жена подсуежилась, принесла жиру барсучьего – ногу помороженную намазать.

Так я и отлеживался три дня. Простуда прошла, но нога зажила только через месяц. Представляю, что было бы, просиди я на дереве до утра, когда потянулись бы первые ободы и мужики отогнали волков. Точно без ноги бы остался, калекой, а может, и насмерть замерз. Повезло, что Демьян проходил.

Я периодически интересовался у Федьки, как учится ратному делу Демьян.

– Огненного боя не любит, саблей владеть научился, но больше – ножом. Лазутчик прирожденный, – ответил Фе-



дор. – Рядом пройдет – и не услышишь.

– Охотник все же.

– Вот-вот. Лазутчиком али пластуном быть – его доля. У нас так никто не может. По лесу идут – ровно стадо, шум да треск стоит. Только и могут, что железом махать.

– Это хорошо, что лазутчик у нас будет. Еще бы двух бовых холопов надо, да где их взять?

– А смотри когда, боярин?

– Через месяц.

Федька присвистнул.

Рано утром, едва рассвело, в ворота постучал гонец. Я чертыхнулся – принесла его нелегкая в столь ранний час! Ведь наверняка не с радостной вестью в ворота стучит. Или беда стряслась какая?

Я только к воротам подошел, как гонец через забор прокричал:

– Воевода вызывает! – и умчался.

Я вздохнул – тяжка боярская доля! Только наведешь в вотчине своей порядок – неси государево тягло. Или на заставу – порубежье охранять, или воевать – с татарами, Литвою, шведами – да мало ли у Руси врагов, жаждущих урвать у соседа землицы, угнать пленных в рабство, поживиться добром чужим. Несть им числа!

Умывшись и одевшись подобающим образом, я поднялся в седло. Это уж Федька-заноза подсуетился. Пока я себя в порядок приводил, он коня оседлал.

До управы ехать недалеко, однако морозный ветер быстро прогнал остатки утреннего сна.

Я легко взбежал по ступенькам и, войдя в кабинет воеводы, отвесил легкий поклон, пожелал здоровья.

– И тебе здоровья и удачи во всем. Садись, боярин.

Я уселся на лавку, сняв шапку, и приготовился ждать остальных бояр, думая, что вызваны все. Но воевода начал разговор, не дожидаясь прибытия остальных.

– Ты знаешь, что в городе бунт зреет?

Я удивился – никто мне раньше не сообщал об этом, да и с чего быть бунту?

– Не ведаю, воевода, – честно ответил я. – Да и не по чину мне – на то Разбойный приказ есть.

– И причины волнений не знаешь?

Я пожал плечами.

– Простыл я сильно, воевода, да ногу поморозил, почитай – месяц в постели провалялся.

– Тогда понятно. Из-за соли волнения. Сам понимаешь – товар наиважнейший, без него за стол не сядешь. А на торгу соль пропала. Уходят обозы в Соль-Вычегодск и как в воду канут. Вот и подумали мы с наместником – кто-то воду мутит, выгоду от того ищет. Ладно бы, если торговцы решили товар придержать да цену поднять. Так ведь нет соли у купцов. Почитай, как снег лег, так ни одного обоза с солью и не было. А впереди весна, распутица. Вот и порешили – пока не припекло, обоз за солью отправить.

– Я-то здесь каким боком?

– Купец с обозом поедет, соль – его забота. Ты же со своими ратниками за целость обоза отвечаешь. Коли разбойники – руби, другое что – ну, мне тебя учить не надо, решай на месте.

Только я рот открыл, как Плещеев замахал рукой:

– Знаю, знаю, на порубежье был, коли не война – тебя три года трогать не можно. Только у меня бояр разумных да боевых не так много. Саблей помахать – найдутся люди, да сдастся мне, тут головой думать придется. Вон как ты раскрутил убийство злопакостное боярина Ивана Андреева. До сих пор стряпчий государев Федор Кучецкой о тебе вспоминает, как встретимся. Знать, понравился ты ему.

– Что я, динар золотой или талер – всем нравиться?

Воевода озлился, хлопнул ладонью по столу.

– Тебе город честь оказывает. А ну – бунт вспыхнет, думаешь, тебя обойдет? Всех на вилы поднять могут! Ты об этом подумал?

И впрямь – своя рубашка ближе к телу. Я действительно думал о своих нерешенных делах, а не о зреющем недовольстве. А случись бунт – можно и не успеть в Смоляниново сбежать, укрыться в вотчине. Да и не в моих правилах бегать – тем более не от неприятеля.

– Усовестил, воевода! Прощения прошу. Когда выезжать?

– Обоз уже готов. Сегодня выехать хотели, да о тебе вовремя вспомнили. Сколько тебе времени надо?

Я прикинул – холопы на месте, припасы в дорогу взять – полчаса.

– Через час буду готов выступить.

– Вот и славно. Я распоряжусь – пусть обоз выходит, вы верхами его быстро нагоните – по дороге на Великий Устюг. С богом!

Я поклонился и вышел.

Слов нет – честь, конечно, оказана. Но и дома теперь меня недели три, а то и месяц не увидят.

К моему удовольствию, ратники мои были все в сборе и одеты по-походному. Осталось только оседлать лошадей да припасы собрать.

– Молодец! – похвалил я Федора.

– А то! Как гонец прискакал, так я сразу и понял – собираться надо. Уж и припасы из кладовой в сумы уложены. На кого воевать идем?

– Обоз соляной сопровождать в Соль-Вычегоду.

– Дело! В городе соли уж две седмицы нету.

– Чего же ты молчал?

– Дык, – растерялся Федор, – хозяйке, боярыне, значит, я сказал – ее это дело.

– Седлайте лошадей – обоз уже вышел, мы догоним. Я мигом.

Я забежал домой, обнял Елену, пояснив, что уезжаю на месяц, не на войну – соляной обоз сопровождать.

– Кстати, и нам соли привези – хошь мешок. Наша почти

закончилась.

Поцеловав жену на прощанье и обняв Васятку, я выбежал из дома и с крыльца – сразу в седло. Федор расстарался, подвел лошадь к ступенькам.

Галопом моя кавалькада вылетела из города. Сначала гнали на север, а, достигнув замерзшей реки, свернули на нее. Вот и обоз, недалеко ушел. Длинный.

Пока обгоняли его по заснеженному льду, я посчитал подводы – двадцать штук. Каждая лошадь в долгом пути по триста килограмм на санях утащит. Итого – шесть тонн. Неплохо!

На передних санях, укрытый медвежьей шкурой, важно восседал купец. Я пристроил коня рядом с санями.

– День добрый!

– И вам того же. Воевода прислал?

– Он самый. Как звать-величать?

– Первуша Ткач.

– Первый сын в семье, значит. А меня Георгий Михайлов, боярин.

– Во как! Соли в городе не стало, так и боярина с дружиной отрядили. Вечно у нас так – жареный петух не клонет, не почешемся. Значица, так – давай определимся. Мое дело – соль купить и привезти, твое – обоз и людей сохранить. Так?

Я согласился:

– Так, о том и воевода меня предупредил.

Купец повеселел:

– Значит, сходимся, боярин.

Я понял, о чем он. Боярин выше купца, и Первуша боялся, что я командовать начну. Но у меня и без соли забот хватит, пусть коммерцию он себе оставит, на то он и купец. Меня другое заботило – почему соль в город не везут.

На Руси бунты бывали – медный, хлебный, слышал я и о соляных бунтах. Но то было, когда цена на соль поднялась. А вот почему обозы с солью исчезают? Купцы с деньгами едут, люди при обозе. Куда же все пропадает? Разбойники балуют? Все равно – хоть кто-то, да уцелел бы, дошла бы весть. «Не стоит расслабляться, – решил я, – хоть и по своей земле едем, противника нет, однако же он должен быть, этот неведомый враг...»

Ехали до сумерек. Остановились на постоялом дворе. В трапезной ратники налегли на суп да мясное. Сидевший с нами за одним столом купец заказал только постное и осуждающе покачал головой:

– Пост ведь Великий, мясо грешно вкушать.

– Путникам, воинам и болящим дозволяется. Вот мы и едим, – ответил за меня Федька.

Он вообще не терпел, когда кто-нибудь, кроме меня, делал замечания или пытался поучать.

Доели уже молча и улеглись спать. Целый день верхом да на морозе – утомительно.

Через неделю мы добрались до Устюга. Здесь дали лошадям день отдыха.

Я хотел поговорить с местным воеводой, но его в городе не оказалось. Местные бояре же ни о чем подозрительном не слыхивали, и соль в Устюге была.

– Первуша, а соль-то в Устюге есть. Давай здесь купим да вернемся, – предложил я.

– Ты что, боярин? Здесь соль изрядно дороже будет. Да и много нам надо, небось во всем Устюге столько не наберется. И вообще, ты уж извини, боярин, соль выгодно купить – мое дело.

– Как знаешь.

Отдохнувшие и отъевшиеся сеном лошади шли бодро – только пар из ноздрей валил.

А у меня мыслишка закралась. Коли в Устюге с солью все в порядке, стало быть, закавыка как раз на обратном пути должна быть, и непременно – на пути от Устюга до Вологды. По крайней мере, по логике получалось так.

Еще несколько дней пути, и мы – на месте. Соль-Вычегодск, небольшой городишко на северо-востоке, на Русском Севере. Главное его богатство – соль. Солью торговали все – купцы, мелкие разносчики на торгу; солью были забиты лавки, лабазы, амбары. Везде – мешки с солью. А как иначе – товар, можно сказать, стратегический. Без него – ни рыбку посолить, ни суп приправить. Соль на Руси ценилась высоко, частенько ее мешали с перцем, и у путников, воинов мешочек с нею всегда был в суме.

Пока Первуша занимался закупкой, я обошел торговцев,

ненароком спрашивая о предыдущих обозах с Вологды.

— Были обозы — мы уж всех ваших, кто солью торгует, знаем. Так ведь как снег лег да морозом реки сковало, были из Вологды покупатели, много соли брали. А что случилось-то? Неуж соль кончилась?

Пришлось приврать, что обоз под лед провалился. Известное дело — соль воды боится, вот и пропал товар.

Я умышленно не говорил о пропаже обозов. Если это разбойничьих рук дело — сообщников неосторожными расспросами насторожить можно. А коли тати здесь ни при чем, так продавцы быстро цену поднять могут. Торговля — дело тонкое и хитрое.

С ратниками перемолвился — они тоже не слышали о грабежах, не жаловался никто.

Мы скупили соль, нагрузили сани и наавтра тронулись в обратный путь. Федьку-занозу, как более опытного из дружины, я поставил во главе трех холопов прикрывать обоз сзади. Сам же с тремя другими холопами ехал впереди обоза, опережая его метров на сто. Обычно авангард не уходил так далеко, сопровождая обозы. Но я решил перестраховаться: случись нападение — сзади успеет подойти на помощь Федька с холопами, а обозники смогут развернуть сани, чтобы уйти в безопасное место с грузом.

Но дорога не преподносила новых сюрпризов, и мы благополучно добрались до Устюга.

Первуша уже роптать начал, сидя за ужином в трапезной.



– Спокойно все, зря только вас с нами послали. Я дорогу как свои пять пальцев знаю, не заблужусь. У меня в обозе одних возничих два десятка, и каждый при топоре – за себя постоять сможем.

Я слушал и думал – флаг тебе в руки, но тогда где другие обозы? Убегать с деньгами никто бы не стал: не приказчики с обозом ехали – купцы.

Отдохнув день, мы выехали на Вологду. Груз замедлял движение, и лошади шли медленнее – это не пустые сани тащить.

Зимник сошел со льда Сухоны и пошел по лесу. Река здесь делала изрядный крюк, и через лес путь был короче. «А ведь местечко для нападения всякой шушеры – самое удобное», – подумалось мне.

– Осмотреть и приготовить оружие, – распорядился я.

Дружинники впились глазами в окружающий лес, а я не столько за лесом смотрел – чего увидишь за стволами деревьев, – сколько на снежную целину по бокам от санника. Если разбойники приготовили засаду, они обязательно выйдут на дорогу или перейдут ее, чтобы напасть с двух сторон. Полюбому следы на снегу останутся: сейчас не лето, когда прошел по траве и через полчаса – никаких следов, примята трава поднялась, и все.

Снег был девственно-чист. Даже вороны и сороки молчали, а были бы люди в чаще – галдели бы.

Впереди, за небольшим изгибом дороги, показалась по-

лоса тумана. Бывает так по утрам – в низинах, где поморознее, что-то вроде тумана ложится. Но днем в лесу – как-то необычно это. Однако я тут же успокоился. Ну – туман и туман, хотя он чаще летом бывает. У погоды свои причуды. Случаются ведь грозы с молнией и громом даже зимой, хотя и не часто.

Однако чем ближе подъезжали мы к полосе тумана, тем больше овладевало мной беспокойство. Даже не знаю почему, но что-то зашевелилось в груди – легкий страх или какая-то неуверенность.

Лошадь моя запрядала ушами и сбавила ход. Нечисто что-то...

Я остановился и послал назад ратника, чтобы притормозить обоз.

Ратник вернулся не один. На санях следом за ним ехал Первуша.

– Чего стоим, боярин?

– Туман мне не нравится.

– Тю! Ну, туман – и туман. Ты что – тумана никогда не видел?

– Зимой?

Первуша задумался.

– Да, как-то не припомню. Туман бывает, когда тепло, да над водою стоит часто.

– Первуша, а ты посмотри на туман повнимательней.

Купец слез с саней и пошел к полосе тумана.

Я-то, пока ратник ездил к обозу, пригляделся к молочной пелене. И вот что странно. Когда подходишь к обычному туману, воздух постепенно становится влажным, видимость тоже падает не сразу. А тут поперек дороги – необычная полосо тумана. Да, он бесформенный, клубится, но больно уж границы его четкие. Или я уже – как пуганая ворона, что каждого куста боится?

Первуша потоптался на дороге и повернул назад.

– Что-то нехорошо мне, вроде как угроза от тумана.

– И я о том же.

– Что делать будем, как разумеешь?

– Мое дело – товар купить, твое – обоз провести. Я свое дело сделал, теперь ты решай, боярин.

Вот хитрован! Как возникают сложности, так – решай сам.

Я слез с коня, подошел к пелене и провел рукой по поверхности. Ничего не произошло, но я заметил, как у места, где я стоял, туман сгустился. Он что, живой? Я сделал пару шагов вперед и остановился. Туман был мне пока еще по пояс. И тут у меня возникло странное ощущение – как будто маленькие ручки нежно, едва ощутимо прошлись по одежде, по ногам.

Я выскочил обратно и направился к своим. Надо решать, что делать дальше – не может же обоз ночевать на лесной дороге.

Когда я приблизился, остроглазый Демьян, который спас меня от волков, показал пальцами куда-то вниз.

– Боярин, что у тебя с портами?

Я посмотрел вниз. Ешкин кот! Штанины были в небольших дырках с неровными краями, как будто их кислотой обрызгали. Сколько живу, о таких туманах не слышал. Про дожди кислотные знаю – но это уже в моем времени, а сейчас-то им откуда взяться?

Что же делать? Назад повернуть и объезд искать? Долго!

– Вот что, парни, – решил я. – Идите к обозу, берите топоры и рубите сучья посуше – только к туману не приближайтесь.

Демьян и еще один ратник стремглав кинулись к обозу и вскоре вернулись с плотницкими топорами.

– Идите в лес, ищите сухостой. Надо сделать что-то вроде факелов.

Ратники разошлись по лесу, не удаляясь от дороги. Я же стал разглядывать дырки на штанах. Интересно, что могло их проесть? Может, сел на лавку с уксусом или еще какой-нибудь дрянью в трактире в Устюге? Нет, мои дружинники мгновенно бы заметили – углядел же Демьян дырки сразу? Стало быть, и появились они недавно. Выходит, не показалось мне, что вроде как пальчики по одежде бегают.

Прискакал с конца обоза Федька-заноза.

– Чего стоим? Или ждем кого, боярин?

– Туман впереди, да странный какой-то. Я вон по пояс в него зашел, буквально пару шагов сделал – и погляди теперь на мои порты.

Федька оглядел меня со всех сторон и присвистнул.

– Как дробом прострелены.

– А я ведь и был в том тумане совсем немного.

– Что делать будем? В обход пойдем?

– Пойдем, если не получится. Придумал я одну штуку, сейчас попробуем.

Ратники вернулись – каждый нес перед собой охапку сучьев. Попробовали их поджечь, но замороженное дерево не занималось.

– Я сейчас! – Федька вскочил на коня, унесся к обозу и вернулся с горшком.

– Масла льняного у обозников выпросил. Правда, тут не больше половины.

Мы обмотали сучья тряпками и обильно смочили льняным маслом. Теперь самодельные факелы вспыхнули.

Мы подождали немного, чтобы огонь с тряпья перекинулся на дерево.

– Так, становимся в цепь, в каждой руке – по факелу. Идем к туману и по моей команде бросаем в него факелы – постарайтесь забросить подальше. Все готовы? Тогда пошли.

Мы цепью из пяти человек двинулись к молочной пелене. Не доходя двух шагов, я скомандовал:

– Стой! – Все замерли. – Бросай!

Мы зашвырнули факелы подальше. Мгновение ничего не происходило, затем в тумане раздался слабый вой, быстро перешедший в громкий, очень высокого тона звук, практи-

чески – визг. Мне даже в шапке заложило уши.

Все оцепенели, а потом, как по команде, в панике бросились назад – к лошадям. Не удержался и я – тоже побежал, но, промчавшись пару десятков метров, одумался, остановился и обернулся.

С туманом что-то явно происходило. Он стал уплотняться, собираясь в плотные, непрозрачные, большие комки, потом собрался в одну сплошную массу и стал втягиваться в лес. Ратники мои вернулись ко мне.

– Ты прости, боярин, что бросили тебя одного, – сконфуженно молвил Федька. – Спужались мы – сроду такого не видели.

– Прощаю – я и сам струхнул. Глядите – уходит туман с дороги. Не рассеивается, а уползает, как живой.

– В лес уползает – не понравился ему огонь, – пошутил оправившийся от первого испуга Федька.

Так, похоже – выход найден.

Я уселся на коня, ратники мигом оседлали своих лошадей. Наше счастье, что кони не разбежались, а то лови их сейчас по лесу. Ратники, похоже, тоже осознали, что проявили слабость, и виновато отводили глаза.

Я подскакал к обозу и остановился.

– Слушать всем! Берите топоры, ступайте в лес – только от дороги далеко не отходите. Рубите сучья на факелы. Обмотайте их тряпками и полейте маслом – хоть немного. Когда все будете готовы, тогда дружно поджигайте – и вперед

по дороге! Нигде не останавливайтесь и лошадей подгоняйте – потом отдохнут. Коли увидите, что из леса туман выползает, кидайте в него горящие факелы, и подальше. Все ли понятно?

Видимо, Первуша уже успел рассказать обозникам об увиденном тумане. Возничие пошли гурьбою в лес, а Первуша подбежал ко мне.

– Что там, боярин?

– Ты на порты мои погляди!

– В дырах порты. Прожег, что ли?

– Зашел в туман на два шага – и погляди, какие дырки.

Факелами туман в лес загнали.

– А что там за визг был? Как крысе на хвост наступили.

– То туман визжал.

– Чудны дела твои, господи! – Первуша перекрестился.

Наконец, все были готовы.

– Поджигай! – скомандовал я.

Сам с дружинниками взял факелы и поехал справа от обоза – по целине, между лесом и санным путем. Мои холопы растянулись за мной цепочкой.

Обозники рванули дружно. Застоявшиеся и продрогшие лошади сами, без понуканий резво тянули тяжело груженные сани. Обозники бежали рядом с санями – так лошадям было легче.

Таким образом, мы гнали лошадей и бежали рядом с ними около версты – пока не кончился лес. От лошадей валил пар,

а возчики хватали воздух широко открытыми ртами. Факелы, многие из которых уже догорели, мы побросали в снег. Кажется, прорвались.

Дальше путь опять шел по реке. Тут уж обоз двигался неспешно.

Устали все – и люди и лошади. И хотя до сумерек было еще около часа, мы остановились на ночлег в первом же встреченном постоялом дворе.

За ужином я выпил вина сам и позволил пригубить ратникам. При воспоминании о тумане по спине пробежал холодок. Что за дьявольское порождение?

Первуша приложился к кувшину с вином поболее моего. Лицо его покраснелось, он пьяненько допытывался:

– Ты как, боярин, насчет факелов-то скумекал? Подсказал кто или ранее встречался?

– Не видел такого никогда, а догадался сам.

– Хм, башковитый! Я думал – ты только сабелькой махать горазд.

Дальнейший путь протекал гладко, и через несколько дней мы въезжали в Вологду.

Я подъехал к купцу:

– Продай мешок соли.

– Возьми так.

– Не хочу быть должником.

– Я от чистого сердца, кабы не ты – сгинули бы мы бесславно, и никто бы не узнал, где косточки наши. Бери!



По моему знаку Федька подхватил из саней мешок соли и положил перед собой поперек седла.

Все! Закончен поход. Не сказать, что повоевали – все вернулись в целости и обоз привели, но пережить такое еще раз я бы не согласился. На муромской дороге тоже было жутковато, но там я видел врага и знал, что делать.

Обоз с солью потянулся к купеческим амбарам. Я же отправил всех ратников домой, а сам направился к воеводе. Надо успокоить его и доложить о выполнении задания.

Плещеев был на месте и, увидев меня, обрадовался.

– Обоз с солью доставили?

– Уже разгружаться у амбара должен, боярин.

– Ну, здравствуй, Георгий! Дай я тебя обниму. Молодец!

Мне почему-то показалось, что воевода хоть и рад меня встретить, но не чаял увидеть живым.

– Садись, боярин, расскажи, как поход прошел.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.